

Протоиерей Игорь Рогатенюк

МАРКИОН СИНОПСКИЙ И ВОПРОС СООТНОШЕНИЯ ВЕТХОГО И НОВОГО ЗАВЕТОВ

Статья посвящена разбору богословских положений Маркиона Синопского о соотношении Ветхого и Нового Заветов. Несмотря на то, что Марикон жил и трудился во II в., его богословское наследие привлекало к себе внимание на протяжении многих веков. Ярким примером тому является интерес к Маркиону со стороны А. фон Гарнака в XIX в. и ряда современных отечественных и западных исследователей. В статье приводятся основные сведения о жизни Маркиона, рассматриваются мировоззренческие основы его учения, излагаются различные оценки его деятельности. Обращение к работам современных исследователей по рассматриваемому вопросу демонстрирует, с одной стороны, наличие в них не соответствующих Преданию Православной Церкви утверждений; с другой стороны, помогает пролить свет на некоторые ставшие уже привычными стереотипы мышления по отношению к вопросу о соотношении двух Заветов.

Ключевые слова: Маркион, соотношение Ветхого и Нового Заветов, гностицизм, А. фон Гарнак, дуализм.

1. Введение

Основанная Господом Иисусом Христом Церковь с самых первых лет своего существования подвергалась разностороннему давлению. Во-первых, со стороны духовных вождей и учителей иудейского народа, во-вторых, со стороны римских властей, в-третьих, со стороны различного рода лжеучителей. Среди последних особое место в доникейской истории Церкви занимает Маркион Синопский¹.

Как известно, конец I — начало II века по Р. Х. были ознаменованы попытками гностицизма² проникнуть в Церковь и изменить ее вероучение³. По мнению М. Э. Поснова, «ближайшим поводом для лжемудрствований гностиков послужило установление христианами отношений к еврейским ветхозаветным книгам»

Протоиерей Игорь Юрьевич Рогатенюк — соискатель Санкт-Петербургской православной духовной академии (igorrogatenyuk@yandex.ru).

¹ Так характеризует личность Маркиона один из современных исследователей: «Маркион оказал как непосредственное влияние, так и более длительное воздействие на раннее христианство. Среди различных мыслителей раннего христианства Маркион был, пожалуй, самым активным в создании института, который соперничал с зарождающейся Православной Церковью. Он пошел дальше, чем просто продвижение альтернативной космологии или формулирование теоретической системы убеждений. Он и его последователи устраивали состязательные собрания и пытались оспорить статус других христианских собраний» [Foster, 2010, 278].

² «Свое обоснование гностицизм получил на началах греческой философии и своим течением захватил лучшие идеи не только греко-римского мира, но также идеи откровенной религии еврейского народа (в филинизме и отчасти в самаританстве)» [Писарев, 2009, 76].

³ «Сами гностические ереси первохристианской эпохи носят отпечаток скорее языческих, а не христианских систем (Досифей, Симон Волхв, Кердон). Только с течением времени гностицизирующее влияние язычества на христианство становится более глубоким и переходит в строго определенное направление, что совершилось приблизительно уже в середине II столетия. В это именно время появились первые более или менее стройные и законченные гностические системы Валентина, Василида, Маркиона и др.» [Писарев, 2009, 84].

[Поснов, 1912, 16] через частое использование аллегорического метода истолкования [Поснов, 1912, 15–16].

Основным положением гностицизма является дуализм, относящий «творение материального мира и его историю к сфере деятельности злого начала, действующего независимо от воли трансцендентного и неведомого Бога» [Пономарев, 2006, 628]. Это дуалистическое восприятие мира естественным образом находило свое продолжение в утверждении о неравенстве двух Заветов — Ветхого и Нового⁴. Именно на противопоставлении «Бога Ветхого Завета» и «Бога Нового Завета» построено лжеучение Маркиона⁵.

В то же время среди гностиков существовали различные оттенки дуалистического мировоззрения: «Собственно истинные гностики утверждали только неравенство двух Заветов. Они учили, что в ветхозаветном Откровении говорил и действовал не высочайший и совершеннейший Бог, а Демииург. По различию представлений о Демииурге и взгляды гностиков на Ветхий Завет являются в двух формах. Одни гностики, например Маркион и его ученик Апеллес, почитают Демииурга за существо, враждебное Богу, а потому не признают никакой связи между двумя Заветами. Другие представляют Демииурга как подчиненное Богу, ограниченное, но не враждебное Ему существо, которое создало сообщенные Ему Богом идеи только в явлении Христа» [Леонардов, 1907, 587–588].

Богословские взгляды Маркиона заставили церковных писателей II, III и IV вв. подробно разобрать⁶ вопрос о соотношении двух Заветов⁷. Стоит отметить, что «с точки зрения своего долговременного воздействия маркионитское движение сохранилось, по крайней мере, до середины четвертого века на Западе и, возможно, на пару веков дольше на Востоке. Убедительные доказательства силы движения, возможно, обнаруживаются в повторных и подробных опровержениях, вышедших из-под пера ранних христианских писателей» [Foster, 2010, 278].

Взгляды Маркиона еще долго будут витать в христианском мире. Как отмечает К. Райт, «дух Маркиона, хотя он и был официально отвержен Церковью, витал в герменевтических традициях на протяжении веков, проявляясь в антиномистских тенденциях радикального крыла Реформации, антиисторическом экзистенциализме Бультмана и его соратников, а также (по совершенно другим богословским причинам) в современном диспенсационализме. И это только богословские движения. Многие

⁴ «Птолемей, один из последователей гностика Валентина, в „Послании к Флоре“ подробно разбирает вопрос о соотношении Ветхого Завета и Нового Завета. Он различает в законе Моисеевом: часть, которая происходит от Самого благого Бога, другую — от Моисея, а 3-ю — от „старейшин“. 1-я часть также делится на 3 составляющих: 1) закон, не смешанный со злом, — собственно „закон“, который Спаситель пришел „не нарушить, но исполнить“ (ср.: Мф 5:17); 2) закон, который „смешан со злом“, поэтому Спаситель его разрушает как противоречащий природе благого начала; 3) закон, который, по учению Спасителя, должно понимать символически, духовно» [Ивлиев, Ткаченко, 2008, 568].

⁵ М. Э. Поснов называет Маркиона «родственным гностикам» [Поснов, 1912, 2]. Еще одно подобное мнение: «Ряд общих с гностицизмом черт имело учение Маркиона. И хотя в целом оно не может быть квалифицировано как гностическое. <...> О близости идей Маркиона к гностицизму говорит развитие, которое они получили во взглядах его ученика — Апеллеса, а также древняя традиция, считающая Маркиона учеником гностика Кердона» [Пономарев, 2006, 631].

⁶ «Хотя Церковь не приняла учение Маркиона и его самого извергла из своих рядов как еретика, ей предстояло преодолеть назревший кризис истолкования еврейской Библии и ответить на вопрос, каким образом следовало ее читать в свете откровения Бога в Иисусе Христе» [Библейские комментарии, 2009, xi].

⁷ «Пространный пятитомный труд Тертуллиана (который фактически являлся расширенной второй редакцией предыдущей работы) показывает, что даже в такой далекой области, как Карфаген, ощущалась необходимость дать отпор маркионитской мысли через шесть или семь десятилетий после создания движения. Более полутора столетий спустя Епифаний писал гораздо более подробно против маркионитов, чем против любой другой секты, которую он идентифицирует» [Foster, 2010, 278].

церкви на практике являются маркионистскими в своем абсолютном пренебрежении Писаниями (которые использовал Сам Иисус), отказываясь читать их во время богослужения, даже когда этого требует богослужебная книга. И неудивительно, что существует такая неразбериха в отношении того, что и как Ветхий Завет может дать христианам для практической жизни» [Райт, 2010, 412].

Подобные взгляды о влиянии идей Маркиона разделяет и П. Фостер: «Часть убеждений Маркиона (особенно вера в отказ от еврейского Писания) продолжали казаться внешне привлекательными для некоторых христианских групп на протяжении веков» [Foster, 2010, 279].

Очевидно, что вопрос соотношения Ветхого и Нового Заветов в целом, а также в контексте исследования личности и воззрений Маркиона, остается актуальным и по сей день⁸. Ряд современных исследований смотрят на этот, казалось бы, уже давно решенный вопрос по-иному, чем это делали, к примеру, Ириной Лионский или Епифаний Кипрский, видя в Маркионе чуть ли не героя-реформатора⁹. В то же время некоторые современные исследования помогают пролить свет на вопрос о соотношении Заветов в XX в., проследить генезис современных подходов, отрицающих или минимизирующих наличие духовного единства двух Заветов. По свидетельству М. П. Морева, как в дореволюционной России, так и по сей день отсутствуют отдельные работы, посвященные Маркиону и его теологии [Морев, 2002, 6].

2. Основные сведения о жизни и учении Маркиона

Как уже было отмечено выше, фигура Маркиона видится многим исследователям одной из центральных в истории Церкви и церковного учения доникейского периода¹⁰. На историческую сцену Маркион вышел во II в. Он происходил из Синопы Понтийской и был сыном местного епископа. В целом, такой взгляд на место происхождения Маркиона является традиционным¹¹. Как известно, Понт был одной из провинций Римской империи, о которой трижды упоминается в Новом Завете, и конечно, там была еврейская диаспора. Анализ этих упоминаний позволил П. Фостеру вполне обоснованно говорить о существовании «сложных отношений между молодой общиной верующих и имеющей более долгую историю еврейской» [Foster, 2010, 270]. По мнению Фостера, связь с Понтом объясняла бы знание иудаизма и ранней христианской Церкви, которые были у Маркиона [Foster, 2010, 271]. В то же время недоверие у этого исследователя вызывает упоминание у раннехристианских авторов определенного города, из которого происходил Маркион: «По-видимому, — пишет П. Фостер, — это тип дополнительной детали, которая могла быть предоставлена, чтобы убедить аудиторию автора, что они могут полагаться на его слова, поскольку автор знает конкретные детали жизни того, о ком рассказывает» [Foster, 2010, 270].

Далее жизнь Маркиона связана с Римом. По мнению С. Молля, Маркион поселился в Риме в 144 или в 145 г. по Р. Х. Здесь он «присоединяется к поместной Церкви

⁸ Мнение одного из современных светских исследователей: «Проблема идейного наследия раннего христианства является, пожалуй, одной из „вечных“; трудно найти эпоху, когда бы она не вызывала столько ожесточенных споров по всему спектру своего содержания. Христианской теологии потребовалось около 1000 лет для согласования трудносогласуемых частей своей Библии. Лишь с помощью аристотелевской диалектики ей удалось привести к сомнительному общему знаменателю Ветхий и Новый Заветы» [Морев, 2002, 3].

⁹ «Через 100 лет после описанных в Евангелиях событий нашелся гениально одаренный теолог, который в результате скрупулезного анализа ветхозаветных и евангельских текстов, а также писем апостола Павла пришел к выводу о полной несовместимости ветхозаветного закона и евангельской спасительной милости Божьей. Этим неповторимым богоискателем был уроженец Синопы Понтийской Маркион» [Морев, 2002, 3].

¹⁰ «Маркион, возможно, гораздо более важная фигура в истории раннего христианства, чем обычно признается» [Foster, 2010, 279].

¹¹ «Практически очевидно, что Маркион не был коренным римлянином» [Foster, 2010, 279].

и жертвует 200 000 сестерциев, часть его почтенного состояния, которое он приобрел как судовладелец» [Moll, 2010, 284]. Проф. В. В. Болотов говорит о том, что перед этим событием отец Маркиона отлучил последнего от местной Церкви за антииудаизм [Болотов, 2011, 382]. По мнению С. Молля, ко времени переселения в Рим Маркион уже полностью развил свое учение и начал проповедовать его в столице [Moll, 2010, 284]. Здесь же, в Риме, Маркион встретился с сирийским гностиком Кердоном, и именно этим проф. Болотов объясняет наличие гностического влияния в мировоззрении Маркиона¹². При папе Элевферии (174–189) Маркион был отлучен от Римской Церкви [Болотов, 2011, 382]. Смерть Маркиона, по мнению С. Молля, случилась около 165 г. по Р. Х. в Риме [Moll, 2010, 285].

Рукописи работ Маркиона не сохранились¹³, поэтому восстановление его взглядов возможно лишь через обращение к трудам тех авторов, которые полемизировали с ним или упоминали о нем. Это, в первую очередь, Тертуллиан и его «Пять книг против Маркиона», Диалог Адамантия, сохранившийся под именем Оригена, и «Панарион» Епифания Кипрского [Foster, 2010, 273].

Как уже отмечалось выше, мировоззрение Маркиона дуалистично¹⁴. Точкой отправления в его богословии был вопрос об отношении между Ветхим и Новым Заветами. «Что касается его личного развития, то душа Маркиона, похоже, заражена фанатичной ненавистью к миру. Мы не знаем, что вызвало это огромное чувство ненависти, но мы знаем, что он так мучается им, что ему нужно объяснение всего зла в мире, или, точнее, ему нужен кто-то, кто виноват в этом» [Moll, 2010, 283]. В связи с этим Маркион концентрируется на тех отрывках из Ветхого Завета, которые «раскрывают» ветхозаветного Бога как злого Творца. Ключевым отрывком для него является Ис 45:7: «Аз устроивый свет и сотворивый тму, творяй мир и зиждяй злая» (Ис 45:7) [Moll, 2010, 282].

Помимо этого общего упрека, Маркион особенно обвиняет Создателя в несовершенном творении человека. «Таким образом, Маркион, не будучи озабоченным теодицеей, является поборником антроподицеи. Тот факт, что человек является пресловутым разрушителем закона, является не его ошибкой, а Творца, который просто мог бы создать его сильнее и более стойким. Эта концепция приводит нас к двум другим особенностям ветхозаветного Бога: он является Законодателем и Судьей. Очевидно, Маркион не уважает эти титулы. Ибо этот Бог судит людей за нарушение Своего закона, хотя Он сам виноват в том, что они слишком слабы, чтобы повиноваться Ему. В этом свете Он действительно играет очень жестокую игру со Своими подданными» [Moll, 2010, 283].

Что же касается Нового Завета, то «Маркион убежден, что первоначальное Евангелие Христа было сфальсифицировано Церковью. Это — теория, которая, по его мнению, находит подтверждение в писаниях апостола Павла, который говорит о ложных братьях, „скрытно приходивших подсмотреть за нашу свободу, которую мы имеем во Христе Иисусе, чтобы поработить нас“ (Гал 2:4)» [Moll, 2010, 284].

В качестве материала для создания своего учения Маркион использовал канонические тексты Церкви, часть из которых он сократил и отредактировал, а часть просто отверг. В результате у него получилось искаженное Евангелие, в основе которого лежало Евангелие от Луки, и свой апостольский кодекс из десяти Посланий апостола Павла, с исключением Посланий соборных, пастырских и к Евреям. Он также написал особое сочинение, «Антитезы», в котором доказывал свой основной пункт, что Бог Нового Завета не может быть отождествлен с Богом Ветхого Завета [Болотов, 2011, 382].

¹² В то же время проф. Болотов отмечал, что богословская система Маркиона представляла «слишком немало отличий от общего направления систем гностических» [Болотов, 2011, 382]. Приведем также и мнение М. П. Морева: «В частности, в отдельных деталях маркионовой теологии есть немало заимствований из теософских систем гностиков Кердона и Валентина» [Морев, 2002, 14].

¹³ «К сожалению, рукописи работ Маркиона не сохранились» [Foster, 2010, 273].

¹⁴ «Нужно, однако, думать, что исходным пунктом воззрения Маркиона был чистый дуализм, и притом самый резкий» [Болотов, 2011, 383].

Именно Тертуллиан сообщает нам название основной работы Маркиона — «Антитезы»¹⁵. Суть этой работы заключается в том, что, «в отличие от космологических систем в некоторых формах гностицизма, которые рассматривали Бога еврейского Писания как низшее божество, ответственное за создание материального мира, что, следовательно, отдаляло Верховного Бога от пороков материального мира, Маркион создал более исключительное противостояние между этими двумя божествами» [Foster, 2010, 276].

Опора Маркиона на Послания ап. Павла говорит о том, что именно ему доверял ересиарх, т. к., по его мнению, только ап. Павел «точно и правильно понял Христово учение и сохранил его в чистоте, а прочие апостолы — псевдоапостолы и проповедники иудейства, то есть лжеапостолы, потому что в Христово учение внесли элемент иудейства» [Троицкий, 2004, 174]. Церковь, по мнению Маркиона, исказила учение Христа, т. к. привнесла в него элементы иудейства, поэтому ее необходимо реформировать. Маркион мыслил себя церковным реформатором¹⁶.

По мнению М. П. Морева, именно «трагические последствия восстания Бар-Кохбы существенно повлияли на окончательное формирование антипатии Маркиона к ветхозаветному Богу-Творцу и его выбор в пользу несоединения Ветхого Завета и Евангелия» [Морев, 2002, 11].

Заслуживает внимания мнение С. Молля, который отмечает роль Маркиона как катализатора процесса формирования единого канона Священных книг Церкви: «В годы, прошедшие после основания своей общины, Маркион производит первый христианский канон, в смысле первой авторитетной коллекции христианских книг. Он, конечно, не был первым христианином, считавшим определенные тексты авторитетными, но он был первым, кто ограничил количество этих текстов... он принимает тот же сборник текстов Ветхого Завета, что и Церковь, но что касается Нового Завета, он ограничивает свое собрание Евангелием от Луки и десятью Посланиями ап. Павла, причем все тексты полностью освобождаются от любых положительных ссылок на Ветхий Завет. Хотя создание этого канона может считаться новаторским актом, следует усомниться в том, придавал ли он себе такое же значение, как это делают современные ученые» [Moll, 2010, 285]. Однако же основным объединяющим началом для Маркиона и его последователей был не канон¹⁷ книг, а именно идея противостояния злого и доброго Бога¹⁸.

Приведем некоторые примеры обращения Маркиона с новозаветными текстами¹⁹. «Известное изречение Христа (см. Мф 5:17) читалось в таком искаженном виде: „Я пришел разорить закон, а не исполнить его“. Затем в обращении Христа в молитве

¹⁵ «Антитезы предоставляют тесно связанные рамки и герменевтическую систему, с помощью которой можно прочесть библейский сборник одного Евангелия и десять Посланий ап. Павла по отношению к богословской системе Маркиона» [Foster, 2010, 276].

¹⁶ «Вообще церковные полемисты того времени для обозначения развязных критических приемов Маркиона употребляют такие глаголы, как рубить, обрезать, обсекать, подделывать» [Троицкий, 2004, 174].

¹⁷ «После того как люди узнали о его концепции, возникла проблема, что некоторые отрывки из Евангелия и Посланий ап. Павла, казалось, противоречили утверждению Маркиона. Вероятно, только тогда Маркион увидел, что ему необходимо выполнить вышеупомянутые изменения. Однако действительно важным вкладом в развитие канона со стороны Маркиона было то, что, выступая против Ветхого и Нового Завета, он заложил основу для двустороннего канона, поскольку мы все еще используем его сегодня» [Moll, 2010, 285].

¹⁸ «Маркионитская церковь не обязательно была основана на этом каноне. Простое собрание сочинений не смогло завоевать Маркиону многих последователей. Центром его учения является идея злого и доброго Бога, и сначала он должен продвигать эту идею; другими словами, он должен был сначала продвигать свои „Антитезы“, в которых он противопоставлял отрывки из двух Заветов, демонстрируя тем самым их несогласие» [Moll, 2010, 285].

¹⁹ «Из евангельского повествования Маркион исключил эпизоды иоаннова крещения, искушения Христа дьяволом, вход в Иерусалим, „очищение Храма“, притчу о блудном сыне» [Морев, 2002, 13].

к Богу (см. Лк 10:21) читается у Маркиона: „Славлю Тебя, Отче, Господи неба“ (с опущением слова „и земли“ потому, что землю он не считал творением верховного Бога). Затем Христа обвиняют перед Пилатом (см. Лк 23:2) с таким дополнением: „Мы нашли, что он развращает народ, разоряет закон и пророков, отвращает жен и детей“» [Болотов, 2011, 382].

Таким образом, «созданный Маркионом искусственный образ евангельского Христа был лишен почти всех черт земного человека, арамейскоязычного уроженца Галилеи. Он сошел с небес в 15-м году правления императора Тиберия в Капернауме. То было началом его земной миссии, проповеди Евангелия и спасения людей. Маркион считал ее совершенно новым явлением религиозного плана. Пришествие Христа в мир не было никем и никогда подготовлено. Маркионов Христос не имел человеческого тела, только его видимость; в этом выразился докетизм понтийца...» [Морев, 2002, 12].

3. Маркион и современность

Несмотря на, казалось бы, ясное видение основных обстоятельств жизни Маркиона и на наличие основных сведений о его богословских взглядах, личность этого человека, его жизненный путь являются предметом изучения ряда современных исследователей. Стоит отметить, что не всегда их выводы совпадают с общепринятой позицией, основные положения которой были изложены выше. Ряд современных исследователей подвергает сомнению важнейшие вехи биографии и учения Маркиона, известные нам от святых отцов и церковных писателей II–III вв.

Так, Епифаний Кипрский говорит о Маркионе как о человеке, который практиковал безбрачие, но в итоге соблазнился связью с девственницей, за что и был отлучен своим отцом, Синопским епископом, от Церкви. П. Фостер видит в этих обвинениях метафору, в которой под девственницей следует понимать Церковь — невесту Христову. Фостер называет это «герменевтикой подозрительности» и считает данные обвинения клеветой или метафорой, и полностью убежден в том, что они являются поздним по отношению к периоду жизни Маркиона изобретением²⁰.

Выдумкой для Фостера является и указание на епископский сан отца Маркиона²¹, которая служит цели еще более очернить последнего, не оставляя ему никакого оправдания «за его отклонение от „православной“ веры» [Foster, 2010, 270]. Ссылаясь на ряд современных исследований, Фостер пишет о том, что просто невозможно проверить факт исторической встречи Поликарпа Смирнского и Маркиона²², хотя свидетельства об этой встрече мы находим у святого Ириней Лионского [Ириней Лионский, 2010, 224].

Фостер говорит и о том, что у ряда современных исследователей есть сомнения по поводу того, существовало ли вообще Евангелие от Луки в том виде, в котором мы его знаем, во время жизни Маркиона и не послужил ли текст Маркиона основой для создания этого Евангелия [Foster, 2010, 275]. Так, Дж. Нокс, один из исследователей истории формирования новозаветного канона, считал, что источником Евангелия от Луки и Евангелия Маркиона был текст, который можно условно назвать „прото-Лука“. В связи с этим Нокс утверждал, что нет достаточных доказательств существования книги Деяний и Евангелия от Луки в нынешнем виде до середины II в. и что само

²⁰ «Таким образом, это был бы не более чем метафорический способ подтвердить описание Маркиона как лжеучителя. Однако, учитывая стереотипный характер этих обвинений, может случиться, что такая клевета была направлена на дискредитацию Маркиона путем заклеивания его данными утверждениями, а не метафорическим обвинением в том, что он является распущенным» [Foster, 2010, 270].

²¹ «Подробность о том, что его отец является епископом, и его соблазнение девственницы имеют признаки типичных клеветнических измышлений» [Foster, 2010, 271].

²² «Просто невозможно установить это событие или проверить его историчность» [Foster, 2010, 272].

Евангелие от Луки, книга Деяний и Пастырские Послания были ответом на угрозу, которую представлял Маркион [Foster, 2010, 275].

Стоит отметить, что такие мнения встречаются не часто. Тот же Фостер отмечает, что «лучше всего руководствоваться единым свидетельством ранних христианских писателей на эту тему. Это означало бы, что Евангелие Луки уже существовало в то время, когда Маркион создал свой собственный текст Евангелия. Поэтому текст Маркиона был сокращением формы третьего известного ему Евангелия» [Foster, 2010, 276].

Для такого современного исследователя жизни Маркиона, как М. П. Морев, вполне очевиден факт, что раннехристианская Церковь хоть и нашла весомые доводы против богословских утверждений Маркиона, все же сама взяла на вооружение его отношение к своему духовному наследию, но, в отличие от него, — признав факт исполнения ветхозаветных пророчеств в личности Иисуса Христа. Если антииудаизм Маркиона был направлен только против ветхозаветного Бога-Творца как национального Бога иудейского народа, то в христианской Церкви изначально, начиная с конца I в., утвердилась антипатия к иудеям как к народу, обвинявшемуся в «богоубийстве» [Морев, 2002, 3]. Приведем еще один пример подобных рассуждений: «В то же время выбор Церкви в лице ее апологетов II–III вв. в пользу объединения в новый канон книг Ветхого Завета и Евангелий (четырёх вместо одного у Маркиона!), а также писем апостола Павла и других раннехристианских произведений, обозначил для христианства иной путь развития, который привел его к антииудаизму в Средние века и к антисемитизму в Новое время» [Морев, 2002, 5].

Для М. П. Морева очевидно, что «у раннего христианства был исторический шанс стать вполне самостоятельной религией, без связи с ветхозаветным наследием. И такой шанс был предоставлен ему Маркионом» [Морев, 2002, 4].

Стоит отметить, что именно Адольфу Гарнаку принадлежит значительная роль в «воссоздании образа Маркиона и его теологии» [Морев, 2002, 6–7]. В 1921 г. этот церковный историк опубликовал работу «Маркион: Евангелие Чужого Бога». Гарнак «превратил Маркиона из еретика в героя» [Moll, 2010, 281]. «Гарнак, очевидно, обожает Маркиона. На самом деле, он даже „влюблен“ в него»²³.

По мнению С. Молля, эта субъективная симпатия Гарнака, его чрезмерный энтузиазм «формирует наше видение Маркиона до сегодняшнего дня». Гарнак изображает Маркиона первым реформатором, своеобразным Мартином Лютером II века. Немецкий церковный историк надеялся на то, что «в хаотичном хоре тех, кто ищет Бога, даже маркиониты могли быть снова найдены сегодня». По поводу данных надежд А. Гарнака С. Молль вполне справедливо задается следующим вопросом: «что вдруг превратило осужденного еретика второго века в христианский образец для подражания двадцатого века?» [Moll, 2010, 282].

Для ответа на этот вопрос важно отметить, что А. Гарнак был не только церковным историком, но и богословом [Moll, 2010, 282]. С. Молль приводит следующие слова А. Гарнака по поводу отношения христиан к Ветхому Завету: «отказ от Ветхого Завета во втором веке был ошибкой, которой великая Церковь справедливо избегала; сохранить его в шестнадцатом веке была судьба, от которой Реформация еще не могла уйти; но все же сохранять его в протестантизме как канонический документ с девятнадцатого века является следствием религиозного и церковного повреждения» [Moll, 2010, 282].

Таким образом, мы видим, что Гарнака сблизило с Маркионом именно критическое отношение к Ветхому Завету. «Гарнакова критика Ветхого Завета является критикой либерального немецкого теолога в начале двадцатого века. Она представляет собой очень распространенный среди людей современной эпохи дискомфорт, связанный с тем, как Бог изображается в Ветхом Завете. Для современных верующих

²³ С. Молль приводит слова Адольфа Гарнака: «поэтому он [Маркион] — моя первая любовь в истории Церкви, и эта склонность и почитание не были ослаблены за полвека, что я пережил с ним, даже Августином» [Moll, 2010, 281–282].

(отрицательные) антропоморфные черты ветхозаветного Бога кажутся действительно несовместимыми с их собственным представлением о Боге, именно поэтому Гарнак хотел видеть Ветхий Завет лишенным канонического статуса в христианской Церкви. Таким образом, у Гарнака было видение христианства, очищенного через избавление от неприятного балласта» [Moll, 2010, 282].

Рассматривая взгляды Гарнака на Маркиона и его учение, С. Молль находит, что они содержат предвзятые и неточные оценки. Во-первых, для Гарнака характерно приписывать Маркиону «разделение» Бога на «справедливого» и «благого». Однако же сам Маркион делает акцент на существовании злого и жестокого «бога», а не справедливого. Для Гарнака очевидным является основание богословия Маркиона на учении ап. Павла, и поэтому для немецкого историка различие между «справедливым» и «благим» Богом есть различие между законом и благодатью, о котором пишет ап. Павел. «Однако, поскольку мы обнаружили, что это различие отсутствует в системе мышления архиеретика, вывод также должен считаться ошибочным» [Moll, 2010, 285–286]. «Тем не менее, источники не оставляют сомнений в том, что Маркион придавал большое значение апостолу. Но, вместо того чтобы быть источником вдохновения для учения Маркиона, он был задним числом востребован Понтийцем, чтобы узаконить его движение. Конечно, Маркион в определенной степени перенял сотериологию ап. Павла и его критику Ветхого Завета, но апостол служил для него, прежде всего, „гарантом“ его теории фальсификации Евангелия» [Moll, 2010, 286].

Гарнак также утверждал, что Маркион считал Ветхий Завет устаревшим. Вот как это комментирует С. Молль: «В отличие от предыдущих концепций, которые можно объяснить неправильным толкованием доказательств, найденных в источниках, на этот раз это было простым желанием Гарнака... Он считал, что нашел образец для подражания для своей собственной богословской программы, направленной на исключение Ветхого Завета из христианской Библии, и таким образом проецировал эту программу на ересиарха» [Moll, 2010, 286]. «Контраст между этими двумя богами составляет самый центр богословия Маркиона. Гарнак осознал этот контраст между Ветхим и Новым Заветами в мышлении Маркиона, но он переосмыслил его в соответствии с Павло/лютеранским различием закона и благодати. Однако Маркион не мыслит в таких абстрактных богословских терминах, он просто верит в двух разных богов» [Moll, 2010, 286].

Для Гарнака Маркион являлся протестантским реформатором, который опередил свое время. С такой точкой зрения не согласен С. Молль: «Гарнак видел в Маркионе человека, который верно определил неправильное развитие в Церкви своего времени, и человека, который храбро боролся с этой ситуацией, но трагически потерпел неудачу из-за ограниченности своих современников; короче говоря, он видел в нем гения, опередившего свое время. Сегодня мы можем четко определить это как вводящую в заблуждение характеристику» [Moll, 2010, 286].

4. Заключение

Анализ жизни и богословского наследия Маркиона свидетельствует о том, что вопрос соотношения Ветхого и Нового Заветов актуален и по сей день. Правильное восприятие учения Господа Иисуса Христа невозможно в отрыве от значительной части Откровения — Ветхого Завета. В то же время правильность восприятия зависит и от следования традиции чтения и толкования Писания, каковой обладает основанная Христом Церковь.

Проделанная работа помогает сделать вывод о том, что установление неправильного баланса между Ветхим и Новым Заветами приводит к значительным искажениям апостольской и святоотеческой веры. Ярким примером несоблюдения этого баланса являются утверждения А. фон Гарнака о т. н. справедливом Боге Ветхого Завета и милосердном Боге Нового Завета. Таким образом, Маркионов дуализм переносится на противопоставление двух Заветов, что весьма субъективно.

Источники и литература

1. Библейские комментарии (2009) — Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. Т. IV: Исторические книги (часть 1). Книги Иисуса Навина, Судей, Руфи, первая и Вторая Книги Царств / Пер. с англ., греч., лат. и сир. под ред. Джона Р. Фрэнки / Русское издание под ред. Ю. Н. Ворзониной. Тверь: Герменевтика, 2009.
2. Болотов (2011) — *Болотов В. В.* Лекции по истории Древней Церкви I–II. Введение в церковную историю. История Церкви в период до Константина Великого. 2-е изд. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2011.
3. Ивлиев, Ткаченко (2008) — *Ианнуарий (Ивлиев), архим., Ткаченко А. А.* Закон Моисеев // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XIX. С. 554–568.
4. Иринеи Лионский (2010) — *Иринеи Лионский, св.* Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / Пер. прот. П. Преображенского, Н. И. Сагарды. Изд. 2-е. исправ. СПб.: Олег Абышко, 2010.
5. Леонардов (1907) — *Леонардов Д. С.* Теория богодухновенности в александрийской школе. Теория Оригена // Вера и разум. 1907. № 5. С. 583–600.
6. Морев (2002) — *Морев М. П.* Маркион из Синопы: первый реформатор христианства. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002.
7. Писарев (2008) — *Писарев Л. И.* Очерки из истории христианского вероучения патристического периода. Век мужей апостольских (I и начало II в.). СПб.: Олег Абышко, 2009.
8. Поснов (1912) — *Поснов М. Э.* Гностицизм и борьба Церкви с ним во II веке. Киев, 1912.
9. Пономарев (2006) — *Пономарев А. В.* Гностицизм // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XI. С. 628–637.
10. Райт (2010) — *Райт К.* Познавая Иисуса через Ветхий Завет. СПб.: Мирт, 2010.
11. Foster (2010) — *Foster P.* Marcion: His life, works, beliefs, and impact // The Expository Times. 2010. Vol. 121. № 6. P. 269–280.
12. Moll (2010) — *Moll S.* Marcion: A New Perspective on his Life, Theology, and Impact // The Expository Times. 2010. Vol. 121(6). P. 281–286.

***Archpriest Igor Rogateniuk.* Marcion of Sinop and the Question of the Relationship between the Old and New Testaments.**

Abstract: The article contains an analysis of theological views of Marcion of Sinop on the relationship between the old and New Testaments. Despite the fact that Marcion lived and worked in the 2nd century, his theological heritage has attracted attention for many centuries. An example of this is the interest in the Marcion from Adolf von Harnack in the 19th century and a number of modern domestic and Western researchers. The article provides basic information about the life of the Marcion, discusses the ideological foundations of his teachings, presents various assessments of his activities. The works of modern researchers present statements that contradict the Tradition of the Orthodox Church. On the other hand, these works help shed light on some of the already familiar stereotypes of thinking about the relationship between the two Testaments.

Keywords: Marcion, the ratio of the Old and New Testaments, Gnosticism, A. von Harnack, dualism.

Archpriest Igor' Yur'yevich Rogatenyuk — Applicant of St. Petersburg Theological Academy (igorrogatenyuk@yandex.ru).

Sources and References

1. Bibleyskiye kommentarii (2009) — *Bibleyskiye kommentarii ottsov Tserkvi i drugikh avtorov I–VIII vekov. Vetkhii Zavet. T.IV: Istoricheskiye knigi (chast' 1). Knigi Iisusa Navina, Sudey, Rufi, pervaya i vtoraya Knigi Tsarstv* [Biblical comments of the Church fathers and other authors of 1st–8th centuries. Old Testament. Vol.IV: Historical books (part 1). Books of Joshua, the Judges, Ruth, First and Second books of the Kingdoms]. Ed. by John R. Frankie. Russian transl. ed. by Y. N. Vorzonin. Tver': Germenevtika, 2009. (Russian translation).
2. Bolotov (2011) — Bolotov V. V. *Lektsii po istorii Drevney Tserkvi I–II. Vvedeniye v tserkovnuyu istoriyu. Istoriya Tserkvi v period do Konstantina Velikogo*. [Lectures on the history of the ancient Church I–II. Introduction to Church history. History of the Church before Constantine the Great]. 2nd ed, Minsk: Belorusskaya Pravoslavnaya Tserkov' Publ., 2011. (In Russian).
3. Ivliyev, Tkachenko (2008) — Iannuariy (Ivliyev), archimandrite. Tkachenko A. A. *Zakon Moiseyev* [The Law of Moses]. *Pravoslavnaya entsiklopediya*, vol. XIX, Moscow, 2008. (In Russian).
4. Iriney (2010) — Iriney Lionskiy, sv. *Protiv eresey. Dokazatel'stvo apostol'skoy propovedi* [St. Irenaeus of Lyon. *Against the heresy. Proof of the Apostolic preaching*]. Transl. by archpriest P. Preobrazhenskiy, N. I. Sagarda. 2nd ed., impr. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2010. (Russian translation).
5. Leonardov (1907) — Leonardov D. S. *Teoriya bogodukhnovennosti v aleksandriyskoy shkole. Teoriya Origena* [The Theory of Divine Inspiration in the Alexandrian School. Origen's Theory]. *Vera i razum*, 1907, no. 5, pp. 583–600. (In Russian).
6. Morev (2002) — Morev M. P. *Markion iz Sinopy: pervyy reformator khristianstva* [Marcion from Sinope: the first reformer of Christianity]. Cand. hist. sci diss. Abstr. Saratov, 2002. (In Russian).
7. Pisarev (2008) — Pisarev. L. I. *Ocherki iz istorii khristianskogo veroucheniya patristicheskogo perioda. Vek muzhey apostol'skikh (I i nachalo II v.)* [Essays from the history of the Christian doctrine of the patristic period. The age of the apostolic men (1st and the early 2nd century)]. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2009. (In Russian).
8. Posnov (1912) — Posnov M. E. *Gnostitsizm i bor'ba Tserkvi s nim vo II veke* [Gnosticism and the Church's struggle with it in the 2nd century]. Kiyev, 1912. (In Russian).
9. Ponomarev (2006) — Ponomarev A. V. *Gnostitsizm* [Gnosticism]. *Pravoslavnaya entsiklopediya*, vol. XI, Moscow, 2006, pp. 628–637.
10. Rayt (2010) — Wright C. *Poznavaya Iisusa cherez Vetkhii Zavet* [Knowing Jesus through the Old Testament]. Saint Petersburg: Mirt, 2010. (Russian translation).
11. Foster (2010) — Foster P. Marcion: His life, works, beliefs, and impact. *The Expository Times*, 2010, vol. 121, no. 6, pp. 269–280. doi: 10.1177/0014524609357509.
12. Moll (2010) — Moll S. Marcion: A New Perspective on his Life, Theology, and Impact. *The Expository Times*, 2010, vol. 121 (6), pp. 281–286. doi: 10.1177/0014524609357510.